

«Непрестижный» сельский герой

«Трын-трава», «Нетиличная история», «Вас ожидает гражданка Никанорова», «Уходя — уходи», «Одиножды один» — фильмы эти, обращенные к сельской теме, объединяет имя киносценариста Виктора Мережко. Но вот выходит на экраны вполне «городской» фильм «Родня», на десятках сцен страны поставлены написанные им сравнительно недавно «городские» пьесы и на рабочем столе драматурга рукописи новых пьес и сценариев, герои которых — люди городские. Что это, смена творческих интересов?

Драматургу непросто ответить, почему он взялся за ту тему и не взялся за иную. Я родом из деревни, подолгу жил на селе уже будучи москвичом и всегда старался писать о том, что знаю, что видел, что вошло в меня с детства. Сельская тема дорога мне и останется дорогой. Но сейчас для меня настало время предварительных итогов и размышлений о тех переменах, что произошли за последние годы на селе, в людях села. В какой-то момент я понял, что мои герои — сельские чудачки, благородные неудачники, романтические правдолюбцы и доморощенные философы с детскими наивными и чистыми сердцами — изрядно постарели, отговорили, отпели, отплакали свое и ушли на задний план. Какой-то иной герой ступил на порог своего деревенского дома. Что-то ощутимо отличается его от тех чудачков и непутевых, о которых писал, — и связи с жизнью у него другие, и печали, и мечты, и глаза другие... А значит, надо понять его, нового героя, перевести свои ощущения и наблюдения в конкретные, зримые образы. На это нужно время, нужен, так сказать, глубокий вздох. Нельзя писать по старому. Мне кажется, что многие наши писатели «деревенщики» тоже чувствуют такую потребность, но пока не могут избавиться от инерции деревенской прозы 60-х — начала 70-х годов. Она была и останется ярким явлением в литературе, но бытие деревни, социально-экономические процессы, которые в ней происходят, преобразуют нравственный климат села и характеры людей быстрее, чем это порой представляется художникам.

Повторяю, мне лишь смутно рисуются облик и образы героев моих будущих сценариев на сельскую тему. Но есть уже какие-то накопленные впечатления от последних поездок на село, есть выводы, к которым приходится, размышляя над увиденным.

На наших экранах появляются время от времени фильмы, в которых быведены образы замечательных сельских тружеников, показаны колхозные руководители — молодые, энергичные или умудренные опытом послевоенных лет. Идут на экран споры об урожае, о методах сельского хозяйства, о рентабельности, об отношении к делу, о том, как удерживать кадры на селе. Я не говорю сейчас о художественных достоинствах этих фильмов, но их публицистический адрес, здоровый оптимизм, стремление их создателей откликнуться на актуальные вопросы сельскохозяйственной политики и воспитывать на положительных примерах заслуживают всяческого понимания. Вот и на июньском Пленуме Центрального Комитета нашей партии много говорилось о гражданской позиции художника, который должен не отгораживаться от жизни и в произведениях своих не допускать ни лубочного приукрашивания действительности, ни искусственного выпячивания теневых явлений. Такие картины очень нужны.

Но нужны и фильмы о проблемах острых, нерешенных, о явлениях тревожных и настоящих, о тех людях села, которые, увы, порвали с добры-

ми исконными традициями деревенской жизни и выродились в безнадежных циников и мещан-потребителей. Нужен остро-социальный, аналитический кинематограф, исследующий «больные» проблемы села. А их хватает, о чем со всей принципиальностью и прямотой говорится у нас с самых высоких трибун, но слишком редко и робко — с экрана.

Как-то, возвращаясь из города в село, где жил, добирался я на попутном грузовике. В кузове — с десяток ящиков. Поинтересовался, что везут. Женщина, сопровождавшая груз, засмеялась и, махнув рукой, проговорила: «Это в кино надо снимать, да и только». А водитель, похихатывая, нарисовал этот «киносюжет». Оказывается, колхозу «спустили» заведомо невыполнимый план по производству яиц. Тогда колхоз снарядил экспедицию в город — покупать их в магазине, чтобы потом сдавать государству. Помню, в этот момент больше всего поразил меня не сам «сюжет», а то, как он был преподнесен. Не со слезами, не с досадой, не с раздражением даже, а со смехом. Куда же подевалась у этих людей та исконная совестливость, что всегда отличала крестьянина? Откуда это столь спокойное отношение к собственному поступку, к обману, на который пошло колхозное начальство? Значит, у этих людей в какой-то мере нарушена здоровая крестьянская психика, они развращены бесхозяйственностью. Имеет ли право кино не замечать такие духовные потери на селе, не вникать в их коренные причины, не бить тревогу, довольствуясь лишь темным «мазком» на светлом фоне экрана?

Или вот явление, о котором нельзя не говорить. Опять же сошлюсь на пример того села на Черкасшине, куда ежегодно приезжал на несколько месяцев. Оно в двадцати километрах от города, и рано утром главная площадь битком забита автобусами, машинами. Более половины жителей ежедневно едут на работу в город, а вечером возвращаются в село. Доходит до абсурда: этих же людей порой присылают из города в село «на картошку». Кто они? Сельские жители? Формально — да. Но стоит потолковать с ними да и просто понаблюдать за тем, как они держатся, как одеваются, какие у них привычки, станет ясно, что городская обстановка сильно на них повлияла, и они, вероятно, уже не вернутся работать в деревню, хотя в городе у них далеко не самые «престижные» профессии: разнорабочий, грузчик, дворник, сторож... И поразительно: эти люди зачастую посматривают свысока на своих односельчан, оставшихся работать на земле, снисходительно похлопывают их по плечу: мол, ничего, когда-нибудь и ты в городе устроишься, обрежешь эту пуповину, что у земли держит.

Я понимаю: все это обусловлено какими-то объективными экономическими, социально-психологическими факторами, это естественный процесс в развивающемся обществе, взявшем на себя смелость прокладывать неизведанный человечеством новый исторический путь. Но меня-то как художника не столько социологические процессы занимают, сколько то, что в человеке происходит, что в его мыслях творится, какие страсти, надежды и сомнения в нем колыхаются. И я не могу не думать о том, что все-таки на душе у этого то ли крестьянина, то ли горожанина — так ли там спокойно, так ли бесследно истлели корни, что связывали его с родительским домом, с крестьянским трудом, с традициями деревенской жизни?

Меня встревожило и отношение односельчан к той теме в кино, которой я до последнего времени занимался. Узнав, что я киносценарист — «деревенщик»,

многие высказывали пожелания, совершенно для меня неожиданные. Звучало это примерно так: «Чего ты про село-то пишешь, мы про него да про нашу жизнь сами все знаем. Нехитрым ты занялся делом: что видишь, о том и пишешь. А ты вот лучше что-нибудь эдакое напиши, интересное, необычное, чтобы красивая жизнь была на экране».

Такие люди, думаю я, мечтают воспарить к высоким этажам городских башен, под панельные беленные потолки, в квартиры с телефонами, шикарной мебелью и голубой ванной. И своих детей, вслабнув, в общем-то с легким сердцем отпускают в город, думая про себя: «Чего ему здесь в земле-то рыться, пусть настоящую жизнь увидит».

Кино не имеет права отворачиваться от таких явлений. И не сельские зрители, что так рассуждают, виновны в потере интереса к фильмам о деревне — мы виноваты. Кинематографисты, порой глядящие на сельского человека сквозь призму умиленно-елейных, устаревших или попросту банальных представлений о нем. Увы, много редактора на киностудии подобный взгляд устраивает куда больше, чем откровенный разговор на острую тему.

Социальные и нравственно-этические глубины сельских проблем надо постигать на месте, а не из городского далека, если действительно хочешь искусством своим помочь делу, помочь стране. Уверенность в этом побудила меня недавно высказаться перед представительной кинематографической аудиторией мыслью о необходимости набрать во ВГИКе специальную драматургическую мастерскую, состоящую из людей, которые родились и живут на селе. Разослать письма в райсоветы, поехать по селам и разузнать, кто увлекается всерьез литературным творчеством, объявить конкурсы... Споспоров много. И я убежден, что вполне возможно набрать 10—15 талантливых людей, которых потом можно будет обучить драматургическому ремеслу. А вкус к сельской теме им прививать и не придется: эта тема — их жизнь.

Таким ли путем, иным ли, но верю, что скоро появятся в не малом числе умные и художественно зрелые, острые и правдивые кинопроизведения о человеке современного села — и воспевающие его полезный, великий земной труд, и пристально вглядывающиеся в его непростой, разнообразный внутренний мир — с уважением, но без фальшивой идеализации, может быть, с тревогой, но и с уверенностью в том, что здоровые духовные и нравственные начала крестьянской жизни не могут и не должны иссякнуть, уйти в песок.

Искусство, и, может быть, прежде всего кино, по моему глубокому убеждению, способно реально помочь в решении сложных и острых проблем современного села, приблизить то время, когда перестанет восприниматься и оцениваться чуть ли не как героическое решение человека оставаться жить и работать в деревне, когда станет это естественным, повседневным, само собой разумеющимся, когда люди не будут стремиться уйти от земли к неону и асфальту городов, потому что будут счастливы здесь, на своей земле-матушке.

Мне хочется думать, что негласная «непрестижность» деревенской темы у режиссеров и сценаристов, с некоторых пор дающая себя знать очень скоро уступит место повышенному к ней интересу, и экран заговорит на эту тему широко, всесторонне, художественно ярко.

Мечтаю принять участие в этом крайне нужном и полезном деле.

Виктор МЕРЕЖКО.